

Понимание в межкультурной коммуникации в свете теории лингвистической относительности

Вопросы понимания в межкультурной коммуникации являются актуальной темой сегодняшнего времени и находятся на перекрёстке целого ряда наук.

Проблема взаимодействия различных языков и культур не может быть успешно разрешена без понимания структуры языка, которая определяет мышление и способ познания реальности каждого народа. Именно эта посылка о влиянии структуры языка на мышление стала отправной в теории лингвистической относительности, которая возникла в первой половине XX столетия и связана прежде всего с именами Эдварда Сепира и Бенджамина Ли Уорфа.

Характерно, что создатель теории Эдвард Сепир был одновременно и лингвистом, и антропологом. Изучая формирование и функционирование индейских языков и диалектов, он пришел к выводу, что они оказали влияние на общий характер индейской культуры. Сепир выдвинул гипотезу, согласно которой язык играет решающую роль в формировании индивидуальных представлений об окружающем мире, лингвистической детерминированности понимания явлений реальности.

Одно из положений теории лингвистической относительности Сепира-Уорфа заключается в том, что имеющаяся у человека картина мира в значительной степени определяется системой языка, на котором он говорит. Уорф утверждал, что грамматические и семантические категории языка служат не только инструментом для передачи мысли говорящего, они формируют его идеи, управляют его мыслительной деятельностью. Именно поэтому люди, говорящие на разных языках, будут иметь разные представления о мире. У них даже могут возникнуть трудности в понимании отдельных тем, если грамматические расхождения между языками очень существенны.

Еще одно положение гипотезы Сепира-Уорфа заключается в том, что люди, владеющие несколькими (двумя и более) языками, могут в действительности руководствоваться разными структурами мышления.

Теория лингвистической относительности утверждает также, что люди членят мир на фрагменты, предопределяемые структурой их родного языка. Поэтому и ментальные образы одного и того же объекта у носителей разных языков неодинаковы. Классический пример этого явления: у большинства европейских народов есть одно обозначение понятия *снег*, в эскимосском же языке их несколько, поэтому носитель этого языка должен различать, о каком именно снеге идет речь: о лежащем, падающем, старом, новом и т.д.

Уорф также высказал предположение, что грамматические категории, особенно время и число, наличествующие в языке, вынуждают его носителей воспринимать мир определенным образом. В качестве примера он приводит

показатель времени, который в английском языке присутствует в каждой личной форме: носители английского должны обозначать эти различия в каждом предложении (I sang, I sing, I will sing).

Теория лингвистической относительности Сепира-Уорфа вызвала серьезные дискуссии и эксперименты. Сторонники и противники теории выдвигали подтверждающие и опровергающие доказательства положения, что язык, на котором мы говорим, определяет мысли, которые приходят нам в голову. Так, исследователь Блум, сравнивая способы выражения гипотетических действий в английском и китайских языках, приходит к выводу, что китайцы менее склонны толковать гипотетические события, так как в китайском нет категории сослагательного (условного) наклонения (If I were you... – Если бы я был...).

Приведем свои доказательства, взятые из лексики, грамматики и синтаксиса русского, английского, турецкого, арабского, французского языков, подтверждающие определяющую роль языка в формировании культурных стереотипов.

Лексика.

1) Понятию «жадный» в русском языке соответствуют 2 слова в турецком языке: *simgi* – «жадный, скупой» (не любит отдавать), *açgözlü* – «жадный, ненасытный» (всего мало, хочет больше), соответственно, для носителей турецкого языка это разные понятия, тогда как для носителей русского – одно.

2) И наоборот, турецкий глагол *kıskanmak* обозначает одно понятие, которое соответствует 2 разным понятиям в сознании носителей русского языка: «ревновать» и «завидовать».

3) Турецкий глагол *istemek* также соответствует нескольким разным понятиям в русском языке: «желать, хотеть» и «просить, требовать».

4) При сравнении глаголов движения в турецком и русском языках можно отметить, что в русском языке выбор корня зависит от средства передвижения: «идти» (= пешком), «ехать» (= на транспорте), а направление движения выражается предлогами (входить, выходить, подходить, приехать, уехать и т.д.). В турецком языке выбор глагола зависит только от направления движения: «*gelmek*» - со значением приближения («приходить», «приезжать») и «*gitmek*» - со значением удаления («уходить», «уезжать»).

5) В турецком языке нет отдельного глагола «мочь», значение возможности передается специальным аффиксом «-bil-», который может присоединяться к глагольному корню, но не может использоваться отдельно: *уартак* – «делать», «сделать», *уара-bil-mek* – «мочь сделать». Таким образом, значение возможности/невозможности в турецком языке – всего лишь грамматическое значение, тогда как в русском языке – лексическое значение. Дословный перевод русского предложения «Я могу» на турецкий язык невозможен, так как значение возможности носителями турецкого языка рассматривается только в связи с каким-либо действием.

6) Внутренняя форма слова, отражающая его мотивированность другими языковыми элементами и поэтому объясняющая его смысловую структуру,

также характеризует сознание носителей того или иного языка, указывая на признак, положенный в основу номинации при образовании нового лексического значения слова. Разную внутреннюю форму имеют, например, числительные в разных языках. Так, в русском языке «семьдесят» - это семь десятков, «восемьдесят» - восемь десятков, во французском: soixante – «шестьдесят», soixante-dix – «семьдесят» (шестьдесят и десять), quatre-vingt – «восемьдесят» (четыре двадцатки).

англ. wash – 1) мыть, 2) стирать

тур. açmak – 1) открывать, 2) включать

тур. ayçiçeği – дословно «лунный цветок», рус. «подсолнух»

тур. uğurböceği – дословно «жук-талисман», рус. «божья коровка»

Грамматика.

1) В основе выделения частей речи в языке лежит характер номинации, отображения внеязыковой действительности в слове. Части речи представляют собой группы слов, создаваемые в результате отражения явлений действительности в сознании людей. Таким образом, наличие или отсутствие тех или иных частей речи в языке свидетельствует и о различии в восприятии действительности носителями разных языков.

Во многих языках, например, есть артикль, выражающий грамматическую категорию определенности/неопределенности. Таким образом, носители этих языков, при выборе определенного или неопределенного артикля руководствуются самим отдельно выделяемым в их сознании понятием определенности/неопределенности. Для носителей языков, в которых артикля нет, не существует такого понятия и в сознании. Именно поэтому для носителей языков без артикля при изучении иностранного языка с выраженной артиклями грамматической категорией определенности/неопределенности данная категория будет представлять особую трудность.

То же можно сказать и о грамматической категории вида, которая есть только в некоторых славянских языках. Понятие завершенности/незавершенности, выраженное в категории вида, присутствует в сознании носителей таких языков и находит обязательное выражение в языке. В сознании же носителей других языков отдельно понятие завершенности/незавершенности действия не выделяется, поэтому его выражение в языке факультативно.

2) В некоторых языках есть имена существительные, употребляющиеся только в форме единственного или только в форме множественного числа. Иногда восприятие исчисляемости/неисчисляемости не совпадает в разных языках: напр. английские существительные advice – «совет, советы», progress – «успех, успехи» употребляются только в единственном числе, между тем как в русском соответствующие существительные могут употребляться как в единственном, так и во множественном числе. Существительное money - «деньги» в английском языке употребляется только в единственном числе, а в русском – только во множественном числе. Существительные «proceeds» - «выручка», «wages» – «заработная плата» в русском языке употребляются

только в форме единственного, а в английском – только в форме множественного числа.

В турецком языке существование существительных, которые могли бы употребляться только в форме единственного или только в форме множественного числа невозможно: если есть один предмет, то таких предметов может быть и много: *makas - makaslar* («ножницы», *lar-* суффикс множ.числа). Более того, даже при заимствовании из другого языка слова в форме множественного числа в турецком оно будет иметь форму единственного числа, от которой с помощью суффикса *lar-* можно образовать форму множественного числа. Так, «*akraba*» – в арабском языке это форма множественного числа «родственники», но при заимствовании в турецком языке она получает значение единственного числа «родственник», а формой множественного числа становится «*akrabalar*» – «родственники».

Не все языки имеют в категории числа противопоставление только единственного и множественного. Например, арабский язык имеет также форму двойственного числа, выражаемую как в существительном, так и в глаголе. Соответственно, и в сознании носителей арабского языка парадигма числа будет представлена не как противопоставление один / не один, много, а в трехчленном виде один / два / много.

3) В арабском языке категория рода всегда находит выражение в глаголе, независимо от времени и числа глагола. Поэтому по глаголу, взятому из контекста, всегда можно понять, идет ли речь о мужчине или о женщине (ср. в русском языке род в глаголе выражается только в форме единственного числа прошедшего времени: пришел – пришла). Это еще раз подчеркивает разную социальную роль мужчины и женщины в арабском обществе.

4) Иногда форма слова оказывает значительное влияние на его лексическое значение. Таким примером в арабском языке являются породы глагола, которые представляют собой модели образования от трехсогласного глагольного корня вариантов лексических значений, например:

2 порода – удвоение среднего согласного со значением интенсивности действия:

Da-Ra-Ba - «бить», *Da-RRa-Ba* - «сильно бить»; *Ka-Sa-Ra* - «разбить», *Ka-SSa-Ra* - «разбить вдребезги, на мелкие кусочки»

4 порода – префикс «а» + опускание гласного звука после первого коренного

DJa-La-Sa «сесть, сидеть», *a-DJ-La-Sa* «усадить»; *Ha-Ra-DJa* «выйти», *a-H-Ra-DJa* «вывести» и др.

Синтаксис.

1) Разные языки по-разному относятся к предикации. Например, в русском языке глагол в предложении не обязателен, а единственным членом предложения может выступать любая часть речи: «Лето. Жарко». Предложение в английском и французском языках не может обойтись без глагола, и даже при построении безличных предложений используются глагольные конструкции:

Англ. It is cold. – Холодно. (is – глагол «быть» в форме наст. времени 3 лица ед. числа)

Фр. Il fait sombre.- Темно. (fait – глагол «делать» в форме наст. времени 3 лица ед. числа)

В арабском предложении глаголу тоже придается большое значение: его использование желательное, и он всегда находится в начале предложения. В случае же необходимости начать предложение с существительного, перед ним всегда ставится предикативная частица «inna» («в действительности существует»), заменяющая глагол.

2) В русском языке притяжательные местоимения используются не очень часто, особенно в сравнении с другими языками. Поэтому носителю русского языка иногда кажется избыточным частое использование притяжательных местоимений во французском языке, например:

Chaque matin je lis mon journal. – Каждое утро я читаю газету (дословно: мою газету).

Анализируя использование притяжательных местоимений в русском языке, выясняется, что его носители стараются употреблять как можно меньше притяжательных местоимений «мой», «твой» и т.п., заменяя их на менее «собственнические» конструкции: «у меня», «у тебя»...

ср. рус. У тебя есть ручка?

Англ. Do you have a pen? (досл. Ты имеешь ручку?)

Тур. Senin kalemin var mı? (досл. Твоя ручка есть?)

Из этого можно заключить, что носители русского языка не рассматривают предметы, вещи как собственность, как принадлежащие только им, а лишь как находящиеся «у них», «при них». Фраза «У меня болит голова» общеупотребительна, хотя структура русского языка позволяет сказать «Моя голова болит».

Теория лингвистической относительности помогает понять широкие вопросы, связанные с человеческим поведением. Выяснив, какие процессы освоения языка универсальны, а какие специфичны для конкретных культур, люди могут лучше понять, до какой степени наше поведение является врожденным или выученным (определенным культурой). Таким образом, изучение теории лингвистической относительности способствует преодолению трудностей обработки иностранного языка в межкультурных контактах.

Литература

1. Бурас М., Кронгауз М. Жизнь и судьба гипотезы лингвистической относительности// «Наука и жизнь» №8, 2011.
2. Под реакцией В.А. Звегинцева. Раздел «Гипотеза Сепира-Уорфа»// Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1960. – Вып. 1. – С. 111-215.